

УДК 008
ББК Ч 71

И. С. Дорогавцева
г. Чита, Россия

Я и Другой в современной российской культуре: тенденции ксенофобии и изоляционизма¹

Статья посвящена тенденциям репрезентации Я и Другого в посттоталитарной культуре. Проанализировав содержание ряда учебников и учебных пособий по гуманитарным дисциплинам, а также осмыслив результаты проведённого среди студентов вуза анкетирования, автор пришёл к выводам о широком распространении ксенофобских и изоляционистских стереотипов как в повседневном, так и в научно-педагогическом дискурсе.

Ключевые слова: культурный кризис, негативная мобилизация, изоляционизм, ксенофобия, Другой.

I. S. Dorogavtseva
Chita, Russia

The Self and the Other Image in Contemporary Russian Culture: Tendencies of Xenophobia and Isolationism

The article is devoted to the tendencies of Self and Other representation in a post-totalitarian culture. The author analyzes the content of a range of textbooks in humanities and interprets the students' questionnaire results, concluding that xenophobic and isolationist stereotypes are widespread both in informal and scientific-pedagogic discourse.

Keywords: cultural crisis, negative mobilization, isolationism, xenophobia, the Other.

Нельзя не обратить внимания на позитивные изменения, связанные с демократизацией современного российского общества – деидеологизацию общественной жизни, развитие критического отношения по отношению к идеологемам прошлого, постепенное формирование открытого информационного пространства (прежде всего в сети Интернет, в которой получают возможность свободно развиваться самые различные дискурсы), принятие всё большим числом людей активной гражданской позиции. Однако наряду с положительными мы, к сожалению, наблюдаем и целый ряд негативных тенденций, свидетельствующих о том, что переход от тоталитарного к демократическому обществу ещё далеко не завершён. Это сложный и длительный процесс, на пути которого стоят упорно не желающие исчезать «пережитки прошлого» – в первую очередь изоляционизм, национализм, ксенофобия. Современное российское общество продолжает оставаться посттоталитарным со всеми вытекающими из этого последствиями.

Ряд авторов даёт довольно пессимистичную оценку происходящему, считая возможным говорить о «посттоталитарном синдроме». Так,

Б. Дубин и Л. Гудков указывают на «массовое распространение ксенофобии, антизападничества, агрессивного национализма и компенсаторного неотрадиционализма» и полагают, что изоляционизм и негативная мобилизация (попытки сплочения общества на основе общей ненависти к чему-либо) труднопреодолимы, поскольку составляют основу легитимности российской власти [4, с. 19, с. 27]. Б. Дубин говорит о том, что современная ситуация характеризуется вытеснением позитивного образа Другого в сочетании с риторикой личности и мифологией изоляционизма [8]. Специфика подобного мифотворчества вызывает сегодня интерес многих исследователей, в центре внимания которых – межнациональные отношения, этнические и культурные стереотипы, проблемы преодоления ксенофобии [3; 6; 9; 15 и др.]. К примеру, З. А. Данилова в статье, посвящённой отношению забайкальцев к мигрантам, подчёркивает, что «особенно настороженно относятся к китайским гражданам учащиеся, молодые люди в возрасте от 15 до 29 лет», и лишь ¼ респондентов отмечают дружеское отношение к иностранным мигрантам [6, с. 513, 514]. Проблема ксенофобии,

¹ Работа выполнена в рамках коллективного исследовательского проекта «Кризис современной российской культуры: стратегии его преодоления в общественном сознании», финансируемого Федеральной целевой программой «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России (2009–2011)», направление «Философские науки, социологические науки и культурология», мероприятие 1.2.2.

таким образом, остаётся актуальной даже в зоне трансграничья, где, казалось бы, частые контакты с представителями другой культуры должны способствовать большему взаимопониманию.

Я и Другой в представлении современной молодёжи

В ходе предварительного исследования, направленного на выявление специфики образа Я и Другого в общественном сознании, нами было проведено анонимное анкетирование студентов нескольких факультетов ЗабГГПУ (возраст от 17 до 23 лет, всего 75 человек). Разработанная анкета была направлена, прежде всего, на выявление тенденций восприятия Я и Другого (ксенофобия, изоляционизм, этноцентризм, распространение образа Врага, некритичное восприятие стереотипов), связанных с общекультурным кризисом и кризисом идентичности и рассматриваемых как составляющие стратегии негативной мобилизации [7].

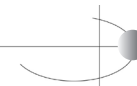
Студентам предлагался ряд утверждений, значительную часть которых составляли распространённые в современной российской культуре предвзятые суждения о Другом [5]. То, насколько данные суждения (в основном построенные в форме проблемных вопросов спорного характера) разделялись опрашиваемыми, либо отвергались ими как неприемлемые, выступало в качестве критерия наличия соответствующих тенденций среди российской молодёжи. При обработке анкет были получены следующие данные.

При ответе на вопрос «Есть ли национальности, которые вызывают у Вас симпатию / антипатию?» лишь 43 % респондентов оставили бланк пустым или указали на некорректность такой постановки вопроса. Студенты в данном случае подчёркивали, что было бы неправильным разделять людей на «хороших» и «плохих», основываясь на национальном признаке: «Я не расист и не националист», «Положительные качества человека не зависят от национальности», «Все по-своему симпатичны», «Симпатии и антипатии национальности не вызывают, все зависит от характера человека». Такие аргументы свидетельствуют об осознании недопустимости расистских установок, наличии чёткого представления о том, что это абсолютно неприемлемо в современном обществе. Но, к сожалению, многие восприняли вопрос как самый обычный, перечислив всех тех, кто вызывает у них неприязнь из-за своей этнической принадлежности. Несмотря на то, что небольшой процент опрошенных указал на симпатию (например, за сохранение традиций, почтение к старшим, трудолюбие и т. д.) к кавказцам (4 %) и китайцам (10 %), именно к представителям этих народов молодёжь проявляет наибольшую враждебность. В нелюбви к народам Кавказа признаются 32 %, к китайцам – 19 %, к американцам – 8 %. В от-

дельных случаях респонденты использовали в качестве ответа оскорбительную лексику («чурки», «ниггеры») либо эмоционально окрашенные выражения («терпеть их не могу»). Положительно либо нейтрально к избранию нерусского президентом Российской Федерации отнеслись бы 17 % (2 % – положительно и 15 % – нейтрально), отрицательно воспринимают такой вариант 71 %. 36 % опрошенных студентов выступает за ограничение въезда иммигрантов в страну. 52 % согласны с утверждением, что люди нерусских национальностей пользуются сейчас в России слишком большим влиянием. 32 % полностью (9 %) либо частично (23 %) согласны с тем, что интересы русской нации более важны, чем интересы других российских наций. Больше половины участников анкетирования (55 %) уверены, что приезжие «гастарбайтеры» чаще совершают правонарушения, чем коренные россияне.

Ответы студентов показали также, что среди молодёжи по-прежнему довольно широко распространены стереотипные представления о Западе как о чем-то враждебном. Так, на вопрос «Согласны ли Вы с утверждением, что за рубежом в целом отрицательно относятся к российской культуре и религии?» утвердительно ответили 48 % опрошенных. Более половины опрошенных (55 %) полагают, что Запад, в частности, США, насильно навязывает остальному миру свои ценности. Около 60 % полностью или частично согласны с тем, что у россиян более высокие нравственные ценности, чем у европейцев и американцев (для сравнения: отвергают подобную позицию лишь 34 %). 77 % респондентов разделяют мнение о том, что ключевыми ценностями западной цивилизации сегодня являются деньги и удовольствия. 27 % указывают, что не были бы против запрета в России иностранных праздников типа Дня святого Валентина и Хэллоуина. 76 % согласны с утверждением о том, что Россия есть и должна быть великим государством, которого должен бояться весь мир. Более половины опрошенных уверены, что у России имеется немало врагов, в числе которых были названы, к примеру, Белоруссия, Грузия, Украина, «весь Дальний Восток», страны Евросоюза, страны НАТО, Япония, но в первую очередь – США и Китай. Лишь 5 % считает, что внешний враг отсутствует. 52 % уверены, что существует некий антироссийский заговор.

Полученные данные позволяют уже при предварительном анализе говорить о присутствии тенденций негативной мобилизации в сознании молодёжи. Возможно, было бы неправомерным однозначно утверждать, что данные тенденции являются сегодня доминирующими (анкетирование проводилось на базе одной возрастной и социальной группы, с ограниченным числом опрашиваемых). Тем не менее, ответы демонстрируют

чёткую тенденцию к некритичному восприятию распространённых стереотипов (готовность воспринимать в качестве врага негативно репрезентируемые, например, в СМИ, группы / государства) в сочетании с отсутствием самостоятельного мышления и скорее пассивным, зрительским восприятием действительности. Ярко выраженный этноцентризм и нетерпимость к инаковости сопровождаются готовностью к силовому решению проблем – устранению нежелательных явлений, нарушающих однородность культурного пространства, административными методами (запреты, ограничения получают позитивную оценку). Многие студенты отмечают, что были бы не против введения цензуры и регламентации досуга молодёжи.

Образы Я и Другого, формируемые учебными текстами

Довольно низкий индекс толерантности сегодняшней молодёжи не может не вызывать обеспокоенности. Как никогда актуальным становится вопрос о необходимости целенаправленного обучения толерантности, в частности, в рамках курса культурологии и других гуманитарных дисциплин, способствующих отказу от мышления стереотипами, развитию навыков самостоятельного познания реальности, умения критически воспринимать поступающую извне информацию. Однако не меньшую озабоченность вызывает тот факт, что отрицательное отношение к чужой культуре (прежде всего к западной), стремление к настойчивому поиску врагов, нередко в не менее некорректных выражениях, мы находим и в текстах целого ряда учебников и учебных пособий по гуманитарным дисциплинам, призванным сформировать терпимость, готовность к взаимопониманию и диалогу, обогащать личность студента («История мировой культуры», «Культурология», «Философия» и др.).

Анализируя содержание учебных текстов, можно прийти к выводу, что граница между обыденным и научным дискурсом нередко оказывается весьма размытой. Работа с такими текстами вряд ли будет способствовать избавлению от одномерного взгляда на мир. Многие исследователи, в частности, Л. М. Мосолова, обращают внимание на проблему учебной литературы, указывая на «целые ряды учебников и учебных пособий, написанных непрофессиональными авторами» [14, с. 54]. Б. С. Ерасов отмечает недостаток профессионализма, который «в описании культурных явлений сказывается нередко в использовании случайных, произвольных, метафорических или чужеродных терминов, которые не в состоянии прикрыть смутность понимания предмета и несут информацию скорее о субъективных склонностях автора, чем о самом предмете» [10, с. 11]. Речь идет в первую очередь об использовании таких

понятий, как «душа», «архетип» и т. п. в стереотипной характеристике культуры.

Наиболее обсуждаемыми сегодня являются в основном школьные учебники по истории, в содержании которых нередко усматривают пропаганду национализма и культурного расизма [2; 18]. Однако идеи изоляционизма и ксенофобии, представления о непреодолимости культурных различий встречаются и в вузовских учебниках, что ставит перед преподавателями гуманитарных дисциплин требование особо тщательного выбора текстов, рекомендуемых для самостоятельной работы студентов.

Серьёзную проблему учебных текстов, на наш взгляд, представляет тенденция к стереотипизации, к упрощению реальности и сведению культурной сложности к системе бинарных оппозиций (духовность – бездуховность, самобытность – глобализация, соборность – либеральная демократия, человечность – техника и т. п.). Наиболее распространёнными клише в учебниках гуманитарного цикла (философия, культурология), кроме популярных сегодня теорий заговора, можно назвать тезисы о доминировании материальных ценностей на Западе, а духовных – на Востоке и в России, о безнравственности и примитивизме массовой культуры, которая традиционно противопоставляется элитарной и описывается почти исключительно в негативных терминах. «...Язычество знает человека только в той его части, что “ниже сердца”. Сердце, дух, душа, интеллект – эти атрибуты христианской культуры воспринимаются как “рудименты” чего-то далёкого и несколько странного» [13, с. 376]. «Американская религиозность, которая всячески подчёркивается, во многом является внешней. В ней нет достаточной глубины и искренности. Видимо, поэтому американские храмы легко превращаются в дискотеки. Примерно такое же положение наблюдается в искусстве» [1, с. 381–382]. Дискредитации может подвергаться практически всё «чужое», включая искусство и религию; какие-либо логические аргументы при этом отсутствуют, заменяясь оценочными суждениями, порой совершенно абсурдными: «Сюрреалисты претендуют на освоение высшей реальности, но в действительности открывают двери низшим инстинктам – разрушительности, агрессии, сексуальной распущенности. Сюрреализм как художественное явление не имел и не мог иметь будущего» [17, с. 179]. «Абстракционизм разрушает личность, разрушает искусство, уродует эстетические вкусы» [17, с. 174]. Приведённые примеры представляют собой в основном стереотипные утверждения, распространённые в массовом сознании и редко имеющие серьёзное обоснование. В учебных текстах мы встречаем и другие примеры обыденных стереотипов, просо-

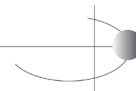
чившихся из повседневной сферы в область гуманитарного знания и свидетельствующих о сближении и взаимопроникновении этих дискурсов. *«Вряд ли можно ожидать толерантности по отношению к приезжим с Кавказа от жителей российских городов, где имели место теракты. Нервозная атмосфера, ожидание новых взрывов или захватов заложников плюс недовольство коренного населения засильем так называемых чёрных – богатая питательная среда для усиления ксенофобии»*, – полагает автор одного учебника [16, с. 43]. Вряд ли в учебнике культурологии допустимы столь некорректные утверждения, по сути оправдывающие насилие в отношении приезжих. *«Представьте себе трамвай, в который на остановке входит пьяный. Едущие в трамвае люди поведут себя по-разному, не рассуждая, не задумываясь, а просто в силу культурно обусловленной матрицы поведения. Русский пожалеет, татарин брезгливо отойдёт в сторону, немец позовёт милиционера, а грузин, скорее всего, ответит физической агрессией»*, – так в курсе лекций по культурологии объясняются культурные различия [12, с. 114]. В данном случае учащемуся навязываются расхожие представления о «типичном» поведении представителей различных этнических групп, причём лишь «культурно обусловленная матрица» своей группы репрезентирована позитивно, как наиболее человеческая. Подобным образом формируются автостереотипы и гетеростереотипы в рекомендованном для вузов учебнике по социологии культуры: основными чертами западного человека названы «эмоциональная чёрствость», «чувство превосходства над другими народами», «склонность управлять другими более сильная, чем у других народов». Здесь же говорится о собственной исключительности, о том, что *«многие исследователи отмечают в русском характере преобладание нравственного начала, внимание к смысложизненным проблемам. Русский человек обладает особенно чутким различием добра и зла...»* [11, с. 150–151, 234].

Мы не утверждаем, что приведённые в качестве примера учебные тексты насквозь пронизаны идеями изоляционизма и ксенофобии; за некоторыми исключениями, они в общем вполне корректны. Шовинистические высказывания в них могут появляться неожиданно, как правило, когда речь заходит об актуальных вопросах современности, волнующих автора и побуждающих его озвучить собственную позицию по вопросу (глобализация, экология, демография, нравственный кризис, пути развития России и т. д.). Мы предполагаем, что многие авторы (не обязательно намереваясь оскорбить представителей другой культуры) в ущерб теоретизации прибегают к рас-

пространённым идеологическим клише, которые достаточно долго путешествуют из дискурса в дискурс и в результате воспринимаются многими некритично, как своего рода «общие места». Это говорит о глубокой укоренённости стереотипного образа Другого как врага: то, что Америка враждебна России / бездуховна, рассматривается как данность, не подвергаемая сомнению; негативные коннотации могут не осознаваться как таковые. В результате мы сталкиваемся с отказом от собственно культурологических задач и (намеренной или ненамеренной) политизацией культурных исследований.

Многие учебники не затрагивают или лишь вскользь упоминают проблемы российской культуры, часто отсутствует анализ наиболее дискуссионных её аспектов – так, рассуждая о советской культуре, авторы имеют тенденцию опускать тему тоталитаризма, в основном говоря об успехах СССР в промышленности, науке и литературе. Иногда даже предпринимаются попытки дискредитации советских диссидентов как маргиналов, осуществляющих подрывную, антинародную деятельность: *«“Андеграунд”, оказалось, ничего не имел, кроме “лагерной” тематики и антисоветских пасквилей»*, – заявляет автор учебного пособия [13, с. 378]. У читателя создаётся впечатление, что история отечественной культуры XX века лишена всяких противоречий, и чуть ли не единственный негативный период – это 1990-х гг., когда окончательно исчезли всякие преграды для контактов с зарубежной культурой. Оценочные суждения, выдаваемые за аксиомы, порой даже выделяются курсивом либо жирным шрифтом как наиболее значимые места в тексте, подобно тому, как это обычно делается с правилами правописания и математическими формулами в школьных учебниках [13]. Очень часто отсутствует побуждение к дискуссии, к осмыслению актуальных проблем современной культуры, философии, теории культуры. Во многих учебных изданиях совершенно отсутствуют проблемные вопросы и задания, учащимся предлагается лишь набор категоричных утверждений, требующих усвоения. Речь часто идёт далеко не о том, чтобы научить студентов самостоятельно, творчески и непредвзято мыслить, а о том, чтобы привить им упрощённый, однополярный взгляд на мир.

Когда теория и серьёзная исследовательская работа над конкретными проблемами культуры подменяются идеологическими спекуляциями, познавательная функция науки сводится к минимуму. Современное состояние гуманитарного знания, без сомнения, указывает на глубину кризиса, охватившего все сферы культуры.

Список литературы

1. Багновская Н. М. Культурология: учебник. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Дашков и К^о, 2011. 420 с.
2. Берелович В. Современные российские учебники истории: многоликая истина или очередная национальная идея? // Неприкосновенный запас. 2002. № 4 (24). С. 80–88.
3. Горин Д. В кольце заклятых друзей: имитация целостности и ловушки социального мышления // Неприкосновенный запас. 2010. № 3. С. 68–77.
4. Гудков Л., Дубин Б. Посттоталитарный синдром (управляемая демократия и апатия масс) / Пути российского посткоммунизма: очерки. М.: Моск. центр Карнеги, 2007. С. 8–63.
5. Гудков Л. Б. Негативная идентичность. Статьи 1997–2002 гг. М.: Новое лит. обозрение; ВЦИОМ –А, 2004. 816 с.
6. Данилова З. А. Трудовые иммигранты и население Байкальского региона: проблемы взаимоотношений // Приграничные и трансграничные территории Азиатской России и сопредельных стран (проблемы и предпосылки устойчивого развития) / отв. ред. П. Я. Бакланов, А. К. Тулохонов. Новосибирск: Изд-во СОРАН, 2010. С. 507–515.
7. Дорогавцева И. С. Тенденции репрезентации Другого в современной российской культуре: образ врага // Вопросы культурологии. 2010. № 11. С. 55–60.
8. Дубин Б. Посторонние: власть, масса и массмедиа в сегодняшней России // Отечественные записки. 2005. № 6. С. 8–19.
9. Дукельский В., Юренева Т. К истории образа врага в новой России // Вестн. Европы. 2006. № 17. С. 172–175.
10. Ерасов Б. С. Социальная культурология: пособие для студ. вузов. Ч. I. М.: Аспект Пресс, 1994. 384 с.
11. Ирхин Ю. В. Социология культуры. М.: Экзамен, 2006. 525 с.
12. Культурология: курс лекций / И. С. Шатило и др. М.: ПАЛЕОТИП, 2007. 136 с.
13. Культурология: учеб. пособие для студ. вузов / под ред. Г. В. Драча. Изд. 6-е. Ростов н/Д.: Феникс, 2004. 567 с.
14. Мосолова Л. М. Современная теоретическая культурология в новом учебном пособии // Вопросы культурологии. 2009. № 10. С. 54–56.
15. Силаков Е. С. К вопросу о современном славянском неоязычестве // Вопросы культурологии. 2009. № 4. С. 43–48.
16. Соловьёв В. М. Культурология: учеб. пособие для вузов. М.: Академический проект, 2006. 366 с.
17. Чернокозов А. И. История мировой культуры (краткий курс). Ростов н/Д.: Феникс, 1997. 480 с.
18. Шнирельман В. «Патриотическое воспитание»: этнические конфликты и школьные учебники истории // Расизм в языке образования / под ред. В. Воронкова, О. Карпенко, А. Осипова. СПб., 2008. С. 88–114.

Рукопись поступила в издательство 15 апреля 2011 г.